

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДНЕВНИК
АНЫ
ФРАНК

МОСКВА

УДК 94(492)"1939/45"
ББК 63.3(4Нид)6-8
Ф83

Anne Frank
DAS TAGEBUCH DER ANNE FRANK

Перевод с нидерландского *Риты Райт-Ковалевой*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Франк, Анна.

Ф83 Дневник Анны Франк / Анна Франк ; [перевод с нидерландского Р. Райт-Ковалевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-210873-0

«Дневник Анны Франк» — документальный артефакт о попытках выжить в «тайном убежище» во время Второй мировой войны, написанный тринадцатилетней еврейской девочкой.

Анна Франк родилась во Франкфурте-на-Майне в 1929 году. После прихода к власти Адольфа Гитлера ее семья была вынуждена бежать в Нидерланды, чтобы спастись от гестапо, однако беды на этом не закончились.

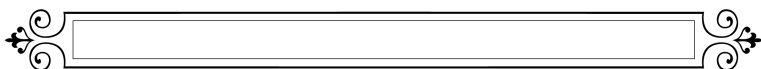
День за днем записи повествуют о самых искренних и сокровенных событиях в жизни самой Анны и других еврейских семей в период оккупации. Впервые дневник был опубликован в 1947 году, однако сама Анна Франк погибла в концлагере в марте 1945 года, а ее детские записи далеко не детской судьбы стали значимым символом памяти человеческих жертв.

УДК 94(492)"1939/45"
ББК 63.3(4Нид)6-8

ISBN 978-5-04-210873-0

© Райт-Ковалева Р., перевод на русский язык, наследники, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ К ГОЛЛАНДСКОМУ ИЗДАНИЮ

Могут спросить, нуждается ли в предисловии эта книга, являющаяся именно тем, на что претендует, — дневником «нормального» ребенка, проделывающего в необычных обстоятельствах путь становления человека.

В восьмидесятых годах прошлого столетия Париж и весь остальной мир, интересовавшийся французской культурной жизнью, были повергнуты в смятение другим «детским» дневником. Он принадлежал русскому вундеркинду Марии Башкирцевой, девочке, выросшей в беспокойной великосветской среде путешествующего русского дворянства, которое в те годы обычно населяло крупные отели Баден-Бадена, Рима, Парижа и Ривьеры; цветку орхидеи, взлелеянному в оранжерейном тепле, ребенку, с колыбели изнеженному роскошью, белоснежными мехами, кружевами, шелками и избалованному любовным вниманием и восхищением окружающих, озабоченных великим будущим девочки: будущим певицы, художницы, писательницы или блестящей светской дамы. Первые осмысленные воспоминания Марии Башкирцевой озарены розовым светом восходящей сла-

вы или — пожалуй, следовало бы сказать — лучами прожекторов, и уже на двенадцатом году своей жизни она с поразительной и почти пугающей тщательностью фиксирует в дневнике этапы собственного пути навстречу известности, все, что последующие поколения могли бы найти примечательного в юности знаменитой женщины. И когда молодая, двадцатичетырехлетняя будущая художница стала ощущать дыхание приближающейся смерти, она заторопилась с изданием своего дневника.

«К чему лгать или рисоваться? Вполне понятно, конечно, что я испытываю желание (хотя и не питаю надежды) *остаться* на земле *подольше*, чего бы это ни стоило. Если не умру рано, то надеюсь остаться в памяти людей как великая художница. Но если мне суждено умереть молодой, я хочу, чтобы был издан мой дневник, который, быть может, окажется интересным... Когда меня уже не будет в живых, люди будут читать о моей жизни, которую я сама нахожу весьма примечательной... Если я умру, то внезапно, сраженная какой-нибудь болезнью... Вероятно, я не буду ничего знать о нависшей надо мной угрозе и ее будут от меня скрывать. А когда я уйду в мир иной, родственники станут рыться в ящиках моего стола, найдут дневник, прочтут и потом уничтожат, и скоро от меня ничего больше не останется, ничего, ничего. Это всегда ужасало меня. Жить такими честолюбивыми мечтами, страдать, плакать горькими слезами, бороться — и после всего этого единственный удел — забвение... забвение, как будто тебя никогда и не было на свете! Если даже мне не удастся прожить жизнь, достаточно долгую для того, чтобы прославиться, все равно мой дневник заинтересует... Ведь всегда интересно узнать о жизни женщины, описанной ею самой день за днем, без рисовки, словно дневник ни для кого на свете больше не предназначался... а я говорю все, все».

Вполне понятен и оправдан тот факт, что дневник Марии Башкирцевой, увидевший свет вскоре после ее трагической смерти, пользовался огромной популярностью. Этот дневник представляет собой целеустремленное и самоуверенное проявление индивидуализма и является феноменом, но феноменом хотя и передающим дух своего времени и раскрывающим честолюбие своего автора, но неспособным надолго приковать к себе внимание. Ибо чудеса не обладают привлекательностью: они могут изумлять, ошеломлять, производить сенсацию, но им не хватает притягательной силы, свойственной всему, что зарождается постепенно, растет, развивается и достигает зрелости.

А теперь об Анне Франк.

Тех, кто ждет от ее дневника «дива дивного», я вынуждена с самого начала разочаровать. Этот дневник не творчество вундеркинда.

«У меня странное чувство — я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы...

Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему* другу или *настоящей* подруге, другим это неинтересно».

Ничего необычного, не правда ли? Такие, или примерно такие слова предпосылают ежегодно своим дневникам десятки тринадцати-четырнадцатилетних подростков, начинающих сознавать свое «я», свое обособление среди окружающего.

Но процитированная запись датирована 20 июня 1942 года. А 6 июля семья Анны встала перед суровым выбором, являвшимся уделом столь многих еврейских

семей: либо явиться «по вызову» и быть, подобно безропотным овцам, угнанными, либо скрыться. Они предпочли последнее и вместе с еще одной семьей укрылись в замаскированном флигеле одного из зданий на Принсенграхт, где помещалась фирма господина Франка, переведенная им в Голландию в 1933 году накануне бегства семьи из Германии. Итак, перед нами «пространная» история подпольного существования. История того, как на весьма ограниченном пространстве, в нескольких комнатках и чердаке, должны были ужиться две семьи — восемь человек, восемь узников, обреченных на полусшепот и осторожность и лишенных, если не считать незатейливых обязанностей по ведению домашнего хозяйства, каких-либо занятий, кроме... выискивания для себя занятия.

Естественно, что при столь необычных обстоятельствах в таком живом, смышленном, восприимчивом ребенке, как Анна Франк, переход от девочки к женщине, от подростка к взрослому человеку происходил ускоренными темпами. Отношение молодого, развивающегося индивида к внешнему миру, в нормальных условиях жизни характеризующееся более или менее многообразными и меняющимися связями, сведено здесь к предельно простой схеме, обусловившей развитие ее пытливого ума скорее вглубь, чем вширь. В постоянном проявлении своих симпатий и антипатий, в разногласиях и стычках, под пристальным взором семи любопытных глаз, словно с крупного плана кинокадра, буквально по часам росло умение ребенка разбираться в людях; вынужденный обстоятельствами самоанализ, постоянные поединки с самой собой и внутренними запретами непостижимо быстро развили самосознание девочки. На наших глазах совершается переход от «игры в дневник» к глубокому анализу не только внешних событий, но также собствен-

ных мечтаний и иллюзий, несложной тактики ее отношения к окружающим, столкновения с превратностями судьбы, а также пересмотр ее прежних стремлений — *carpe diem*¹, — отречение от своих слишком красивых для обитательницы «убежища» девичьих мечтаний. Анна Франк постигает суровую жизненную мудрость — довольствуйся тем, что у тебя есть.

Замкнутость ли убежища или неясность будущего сделали этот дневник блестящим диалогом автора с самим собой, без мешающей и форсирующей мысли о читателях и даже без малейшего намека на лейтмотив Марии Башкирцевой — стремление понравиться, пусть даже в более высоком и более честном его проявлении, чем это обычно встречается в жизни. Достаточно хоть немного проштудировать современных психологов, чтобы убедиться, что юношеские годы оказывают огромное влияние на все наше отношение к жизни. Но вместе с тем многие, даже самые большие писатели постоянно стремятся обрисовать свой путь от детства до зрелости на основе ослабленных временем или проникнутых раздражением воспоминаний.

Дневник Анны Франк, написанный далеко еще не настоящей писательницей, — возможно, она и могла бы стать ею, но сколь бессмысленно теперь высказывать подобные предположения! — с такой чистотой, с такой точностью и бесстрашием перед кем или чем бы то ни было, отражает пробуждение человеческой души, какое мы редко встречаем в воспоминаниях даже очень крупных писателей. Во взглядах Анны Франк на внешний мир и, что самое примечательное, на самое себя есть, несмотря на стремление к самоусовершенствованию, нечто от кандидовского прямодушия и аморальной бес-

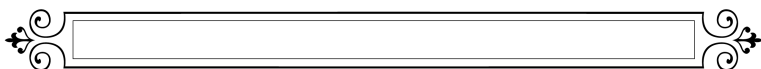
¹ Лови мгновение (*лат.*).

пристрастности, с которой дети в книге Хьюза «Сильный ветер на Ямайке» излагают свои наиболее романтические жизненные наблюдения.

Но это еще не все, что можно сказать о дневнике Анны Франк. Он является документом войны, документальным свидетельством жестокости, с которой преследовались евреи, и горькой нищеты, на которую они были обречены в пору гонений, свидетельством готовности людей прийти на помощь ближнему, но также и совершить предательство, свидетельством способности человека приспособливаться и оставаться неприкосновенным. Маленькие радости, крупные и мелкие неурядицы подпольного существования с предельной непосредственностью, без претензии на литературность и поэтому зачастую превосходно описаны ребенком. И этот ребенок обладал важными качествами настоящего писателя: Анна умела сохранить непосредственность, она не могла свыкнуться с окружающими ее явлениями и тем самым не потеряла дара воспринимать их такими, какими они были.

При всем том, однако, самое значительное для меня в этом дневнике не документальная сторона, которая столь многократно была и будет отражена во многих других произведениях. Анна Франк напоминает мне молодое растение, переселенное из условий умеренного горного климата в условия знойной долины. Оно зацветает здесь буйно и пышно, чтобы затем безвременно погибнуть, как и Анна Франк, этот маленький смелый цветок, который расцвел за затемненными окнами убежища. Вот что трогает меня в дневнике.

Анни Ромейн-Ферсхор

12 июня 1942 г.

Надеюсь, что я все смогу доверить тебе, как никому до сих пор не доверяла, надеюсь, что ты будешь для меня огромной поддержкой.

Воскресенье, 14 июня 1942 г.

В пятницу я проснулась уже в шесть часов. И вполне понятно — был мой день рождения. Но мне, конечно, нельзя было вставать в такую рань, пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Но больше я не вытерпела, пошла в столовую, там меня встретил Маврик, наш котенок, и стал ко мне ласкаться.

В семь я побежала к папе с мамой, потом мы все пошли в гостиную и там стали развязывать и разглядывать подарки. Тебя, мой дневник, я увидела сразу, это был самый лучший подарок. Еще мне подарили букет роз, кактус и срезанные пионы. Это были первые цветы, потом принесли еще много.

Папа и мама накупили мне кучу подарков, а друзья просто задарили меня. Я получила книгу «Камера обскура», настольную игру, много сладостей, головолом-

ку, брошку, «Голландские сказки и легенды» Йозефа Козна и еще дивную книжку — «Дэзи едет в горы» и деньги. Я на них купила «Мифы Древней Греции и Рима» — чудесные!

Потом за мной зашла Лиз и мы пошли в школу. Я угостила учителей и весь свой класс конфетами, потом начались уроки.

Пока все! Как я рада, что ты у меня есть!

Понедельник, 15 июня 1942 г.

В субботу после обеда праздновали мое рождение. Мы показали фильм «Сторож маяка» — с Рин-Тин-Тин. Картина моим подругам очень понравилась. Мы ужасно шалили и веселились. Было много мальчиков и девочек. Мама всегда спрашивает, за кого бы я потом хотела выйти замуж. Она, наверно, очень удивилась бы, если б узнала, что я хочу выйти за Петера Весселя, потому что, когда она про него заговаривает, я и виду не подаю. Лиз Госсенс и Санну Хаутман я знаю сто лет, до сих пор они были самыми лучшими моими подругами. Потом я познакомилась в еврейской гимназии с Йоппи ван дер Ваал. Мы с ней много бываем вместе, и сейчас она моя лучшая подруга. Теперь Лиз больше дружит с другой девочкой, а Санна учится в другой школе, и у нее там свои подруги.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Несколько дней не писала, хотелось серьезно обдумать — зачем вообще нужен дневник? У меня странное чувство — я буду вести дневник! И не только потому,

что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы. Но не в этом дело. Мне просто хочется писать, а главное, хочется высказать все, что у меня на душе.

«Бумага все стерпит». Так я часто думала в грустные дни, когда сидела, положив голову на руки, и не знала, куда деваться. То мне хотелось сидеть дома, то куда-нибудь пойти, и я так и не двигалась с места и все думала. Да, бумага все стерпит! Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему* другу или *настоящей* подруге, другим это неинтересно. Вот я и сказала главное, почему я хочу вести дневник: потому что у меня нет настоящей подруги!

Надо объяснить, иначе никто не поймет, почему тринадцатилетняя девочка чувствует себя такой одинокой. Конечно, это не совсем так. У меня чудные, добрые родители, шестнадцатилетняя сестра и, наверно, не меньше тридцати знакомых или так называемых друзей. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках даже ловят в зеркальце мою улыбку.

У меня много родственников, чудные дяди и тети, дома у нас уютно, в сущности у меня есть все — кроме подруги! Со всеми моими знакомыми можно только шалить и дурачиться, болтать о всяких пустяках. Откровенно поговорить мне не с кем, и я вся как наглухо застегнутая. Может быть, мне самой надо быть доверчивей, но тут ничего не поделаешь, жаль, что так выходит.

Вот зачем мне нужен дневник. Но для того, чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду записывать в дневник одни только голые факты, как делают все, я хочу, чтобы эта тетрадка сама стала мне подругой — и эту подругу будут звать *Kummi!*

Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу сначала свою биографию, хотя мне это и не очень интересно.

Когда мои родители поженились, папе было 36 лет, а маме — 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне, а 12 июня 1929 года появилась я. Мы евреи, и поэтому нам пришлось в 1933 году эмигрировать в Голландию, где мой отец стал одним из директоров акционерного общества «Травис». Эта организация связана с фирмой «Колен и К°», которая помещается в том же здании.

У нас в жизни было много тревог — как и у всех: наши родные остались в Германии, и гитлеровцы их преследовали. После погромов 1938 года оба маминых брата бежали в Америку, а бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года. После сорокового года жизнь пошла трудная. Сначала война, потом капитуляция, потом немецкая оккупация. И тут начались наши страдания. Вводились новые законы, один строже другого, особенно плохо приходилось евреям. Евреи должны были носить желтую звезду, сдать велосипеды, евреям запрещалось ездить в трамвае, не говоря уж об автомобилях. Покупки можно было делать от трех до пяти и притом в специальных еврейских лавках. После восьми вечера нельзя было выходить

на улицу и даже сидеть в саду или на балконе. Нельзя было ходить в кино, в театр, — никаких развлечений! Запрещалось заниматься плаванием, играть в хоккей или в теннис, — словом, спорт тоже был под запретом. Евреям нельзя было ходить в гости к христианам, еврейских детей перевели в еврейские школы. Ограничений становилось все больше и больше.

Вся наша жизнь проходит в страхе. Йоппи всегда говорит: «Боюсь за что-нибудь братья — а вдруг это запрещено?»

В январе этого года умерла бабуся. Никто не знает, как я ее любила и как мне ее не хватает.

С 1934 года меня отдали в детский сад при школе Монтессори, и потом я осталась в этой школе. В последний год моей классной воспитательницей была наша начальница госпожа К. В конце года мы с ней трогательно прощались и обе плакали навзрыд. С 1941 года мы с Марго поступили в еврейскую гимназию: она — в четвертый, а я — в первый класс.

Пока что нам, четверым, живется неплохо. Вот я и подошла к сегодняшнему дню и числу.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Милая Китти!

Начинаю письмо сразу. Сейчас все тихо и спокойно. Мама с папой ушли, Марго у подруги играет в пинг-понг. Я тоже в последнее время играю с удовольствием. Нам, пингпонгистам, всегда ужасно хочется мороженого, особенно летом, поэтому каждая игра обычно кончается походом в какую-нибудь кондитерскую, куда можно ходить евреям, — в «Дельфи»